

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

26 мая 1991 г.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

РЕЙС ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ НА ПОЛТОРА ГОДА

КАК АВИАДИСПЕТЧЕРОВ «ВЕЛИ» К ЗАБАСТОВКЕ

Неужели права сегодня дают только через ультиматум?

Стр. 5.

ВЫБОРЫ В РОССИИ И МОСКВЕ:

страсти разгораются.

Стр. 7.

ЯВЛИНСКИЙ: продолжение следует

В предыдущем номере «Московские новости» обещали рассказать о том, как будут развиваться события вокруг новой концепции Григория Явлинского (см. «МН» № 20, «Сенсация на завтра»).

Сегодня Явлинский вместе с шестью специалистами возглавляемого им «ЭПИЦентра» находится в Гарварде. Они ведут разработку документов, посвященных преобразованию советской экономики в рыночную, ее интеграции в мировое хозяйство. Документы должны быть готовы за месяц до встречи руководителей стран «большой семерки» в Лондоне. Партнерами советских экспертов по работе выступают ведущие экономисты и политологи США. В постоянном контакте с экспертной группой будет Эд Хьюитт, помощник президента Буша.

Мировая пресса проявляет к «инициативе Явлинского» растущий интерес. Со ссылкой на «МН» ей посвятила материал на первой полосе «Нью-Йорк таймс». Куда меньше энтузиазма ощущалось на пресс-конференции, которую проводил премьер Валентин Павлов и его заместитель Владимир Щербаков. В ответ на просьбу прокомментировать эту программу глава Кабинета ограничился репликой, что он с нею не знаком, а вице-премьер заметил, что Горбачев давно занимается проблемой сотрудничества с «семеркой» развитых стран, Явлинский же «нашел канал неформального общения, и это хорошо, мы это приветствуем». По поручению Михаила Сергеевича, сообщил Щербаков, мы с Евгением Примаковым, возможно, вылетим в США для обсуждения проблем сотрудничества. Однако у самого Явлинского сложилось впечатление, что у руководителей Кабинета, присутствовавших на его встрече с президентом, весьма критическое отношение к проекту.

Президент ознакомился с документом, переданным ему Явлинским: «О реализации политики общественного согласия на основе сотрудничества с развитыми странами». Руководитель «ЭПИЦентра» вычитывал в редакции «МН» полосу своей беседы, когда с ним соединился по телефону Михаил Горбачев, дав оценку этому документу в следующих словах: «Это новая политика в ее главных составляющих: общенациональное согласие, экономические реформы, открытое сотрудничество с Западом».

Накануне отлета в США Явлинский был вновь принят Горбачевым и Ельциным, получив от них полномочия на проведение предстоящей работы. В свою очередь, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, выступая в Москве на презентации своей книги «Без правых и левых», также поддержал «инициативу Явлинского», заметив, что «это, может быть, последний шанс»...

Сам же Явлинский за семь часов до вылета в США подтвердил свою квалификацию и готовность к работе. В два часа ночи в его кабинет в «Белом доме на набережной» тихо вошел дежурный младший лейтенант с пистолетом на боку, тетрадкой в руках и просьбой рассчитать стоимость прибавочного продукта — задачу из курса политэкономии социализма, заданную в школе милиции. Отложив гарвардские бумаги, Явлинский вместе с экономистом Сергеем Зверевым задачу решили. Лейтенант посмотрел на ответы в конце тетрадки и захопнул ее: «Сошлось!»

Владимир ГУРЕВИЧ.

Фото Владимира ЖАРОВА.

ЗАКОН ПРИНЯТ, НО

Верховный Совет СССР два года об

Когда один народный избранник называет закон мир, а другой — преступлением, трудно примирить разногласия. В парламенте в эти дни противоположные политические установки, мировоззрения. Точно так же Конституции, Закона о собственности, Закона о свидетельстве: стереотипы эпохи тоталитаризма во втором чтении текста закона. Но когда его нормы вызвали особенно ожесточенные споры. В результате никто, похоже, не торопится открывать. И так, одолевают сомн

По карману ли нам свобода?

На вопросы «МН» отвечает
Председатель Совета Союза Иван Лаптев

Труднее всего доказать очевидное. Майская дискуссия вокруг Закона о порядке выезда из СССР и въезда в СССР, одобренного в первом чтении в 1989 году, еще раз подтвердила эту истину. Кажется, ни один наш юридический акт не рождал такого драматического сюжета, хотя в конце концов закон был принят убедительным большинством, но только после трехкратных дискуссий. Итоги голосования за проект «в целом» оказались противоречивы. Совет Союза сказал ему «да», «нет» — заявил Совет Национальностей. За дело взялась согласительная комиссия — председатель Иван Лаптев и еще шестеро, поровну оппоненты и сторонники законопроекта. Премьер-министр при этом не выказывал энтузиазма. Председатель Верховного Совета не говорил ни да, ни нет. Президент молчал...

Согласованное постановление вновь было вынесено на голосование. На этот раз «против» — Совет Союза. Тупик? Но по регламенту согласительная комиссия вправе предложить несколько вариантов постановления. Еще один — постатейное обсуждение. Сопоставление ему ощущалось заметно, но большинство «за». А из президиума — другое предложение: еще раз вернуть проект согласительной комиссии. «Это противоречит регламенту. В таком случае я отказываюсь работать в комиссии», — не выдержал Лаптев. И только после продолжения дебатов, на сессии и после, на президиуме Верховного Совета, решение оказалось принято: в понедельник, 20 мая, начать постатейное голосование.

С чем связано столь сложное прохождение этого законопроекта? Слово — Ивану ЛАПТЕВУ.

— Мне казалось, законопроект был достаточно подготовлен и отвечал общественным потребностям, — сказал он. — Такая спешка мнений была для меня неожиданной...

— С чем вы ее связываете? Не думаете ли вы, что цель противников этого проекта — скомпрометировать президента в глазах мирового сообщества? Ведь под Парижской хартией, которая обязывает нас узаконить цивилизованные нормы, стоит подпись Горбачева...

— Вы слишком резко ставите вопрос. Хотя, думаю, силы, заинтересованные в таком повороте событий, есть. И атака на закон действительно могла обернуться атакой на президента. Но ее невозможно было бы предпринять, если бы не стечение целого ряда обстоятельств.

— Каких именно?

— Десятилетиями нас воспитывали в убеждении, что отъезд за рубеж — предательство Родины, а эмигрант — враг народа. Кратковременная же поездка воспринималась как награда, поощрение. Вопрос въезда и выезда был в исключительной компетенции государства, которое только и вправе было приоткрывать или захлопывать дверь во внешний мир. Легко ли с грузом таких

идеологических установок, въехавших в плоть и кровь, трезво воспринять этот закон? Рецидивы тоталитаризма еще долго будут напоминать о себе.

— Тем более если они подпадают под категорию некомпетентности...

— Я бы не стал обвинять кого-либо из депутатов в недостатке знаний. Но ситуация сложилась так, что Верховный Совет оказался не очень готов к обсуждению. Закон рождался в муках и в первом чтении был принят парламентом до ротации. Так что второе чтение по сути оказалось для многих первым. Неудивительно, что представления о функционировании закона у некоторых депутатов были весьма спорны.

— То и дело звучали прогнозы о том, что завтра же за рубежом «рванет» едва ли не полстраны, а другая половина будет за это расплачиваться. Между тем внешний мир отнюдь не готов дать убежище миллионам наших сограждан.

— Действительно, обсуждение шло так, как будто стоит нам захотеть и границы всех сопредельных государств откроются. Но ведь это совсем не так. Большинство стран Европы законодательно ограничили миграционные потоки. Чтобы поселиться, к примеру, в Швейцарии, мало получить разрешение властей, надо доказать свою благонадежность: в течение года к вам будет приставлен специальный наблюдатель.

— Все это вполне понятно: в конце концов богатая Европа не для того богата, чтобы кормить соседей с Востока.

— Тем более что в мировой экономике наметился спад. Международный рынок труда перенасыщен, вторгнуться на него чрезвычайно сложно...

— А если отбросить внешний фактор? Называют один, три, десять миллиардов эмигрантов уже в ближайшие пять лет. Вы верите в эти прогнозы?

— Они слишком напоминают мне систему нашего прежнего «научного» планирования... Кроме того, прогнозисты говорят почему-то об общих цифрах, забывая, что речь идет о разных миграционных потоках. Поток первый — те, кто покидает страну навсегда. Сегодня их — около 500 тысяч, и думаю, это естественный потолок. Второй поток — командировки. Тут тоже особого роста не предвидится, тем более, что в условиях рынка их будет оплачивать не государство, а самостоятельные предприятия или организации. Третья категория — организованный туризм, и тут возможности ограничены. Четвертый поток — приглашения...

— Закон отменяет их, и рост выездов, мне кажется, неизбежен.

— Не уверен. Но одно безусловно: мы уничтожим те мафиозные структуры, которые сложились на этой почве — организация и перепродажа приглашений стала одним из секторов теневого бизнеса, расцвела самая гнусная спекуляция, чиновничий произвол беспределен.

— Мы забыли о тех, кто захочет выехать на работу по временному контракту.

— Этот приток со временем увеличится, но и тут есть объективные ограничения. Квалификация нашей рабочей силы, знание языков, валютные возможности.

— Еще больше путаницы в экономических расчетах. Сначала, помню, речь шла о тысячах, теперь о миллиардах. Ведомства выставили Верховному Совету фантастические счета.

— Конечно, тут сказывается стремление решить свои проблемы с помощью нового закона. Как будто, если закон не принят, не придется реконструировать железные дороги, обновлять аэропорты, совершенствовать таможенные службы... И вместо того чтобы с помощью закона самим зарабатывать миллиардные прибыли, вновь требуют деньги у государства.

— А что, потенциальная прибыль от введения закона в действие не рассматривалась?

— В том-то и дело! Я считаю, что Кабинет министров избрал абсолютно неверную идеологию расчетов. Расходы по осуществлению закона не должны ложиться на государство и налогоплательщика. Въезд-выезд — это ведь платная услуга, которую у государства по к у п а т. Есть желание и деньги — покупай, нет денег — зарабатывай. Прибыль от продажи билетов, таможенных пошлин, плата за визы — все надо учесть... А отток рабочей силы? Разве это всегда убыток? Известно, что рабочие-эмигранты ряда стран приносят своим отечествам громадные доходы в твердой валюте. А экономия на создании новых рабочих мест — это ли не прямая выгода для государства, ступившего на путь рыночной экономики? Не говорю уже о той помощи, которую, как правило, готовы оказать своей родине эмигранты.

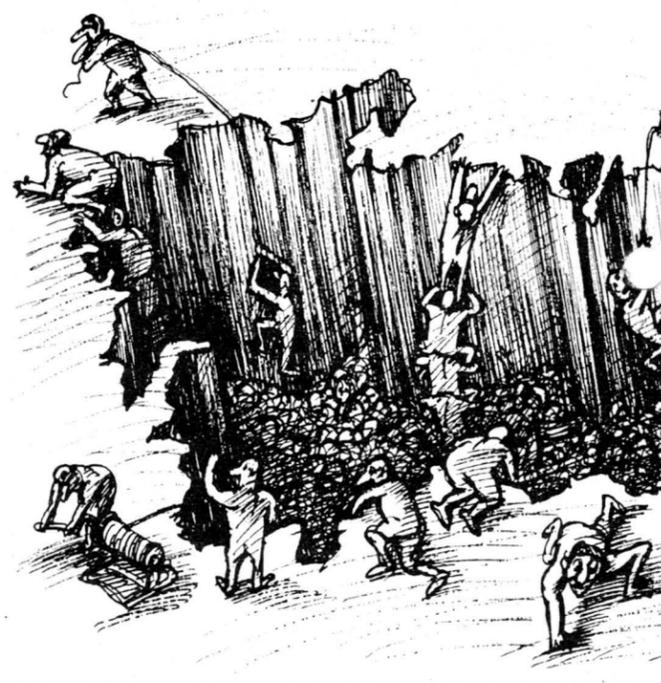
— Только не наши, которые уезжают с таким багажом обид и унижений, что хватают до конца жизни.

— К сожалению... И это наша беда. Мне пришлось в свое время наблюдать, как эмигранты-китайцы, несмотря на всю сложность истории этой страны, становились для нее надежной связкой с внешним миром. Когда в Китае началась экономическая реформа, именно они первыми вложили в хозяйство родной страны свои капиталы, создав тысячи совместных предприятий... Новый закон позволит и нам сохранить нормальные отношения с соотечественниками за рубежом, рассчитывать на их помощь.

— Какова же цена достигнутого согласительной комиссией компромисса?

— Верховный Совет несколько отодвинул дату введения закона в действие, дал дополнительные поручения правительству. Необходимо, чтобы оно еще раз проработало материально-техническое обеспечение закона. Определен и срок для этого — две недели. Таким образом, сделан еще один важный шаг в развитии демократии.

Беседу вела Людмила ТЕЛЕНЬ.

ДОСЬЕ «МН» Выезд «по-царски»

До революции выезд за границу был доступен тем, кто мог оформить необходимые документы и заплатить за них. Такие выезды были в основном временными — на лечение, на отдых, в путешествие. «Трудовая эмиграция» на три четверти была нелегальной. По зарубежным данным, с 1828 по 1915 год из России выехали 4,5 млн. человек. Основным видом «трудовой эмиграции» из России на рубеже веков был выезд на американский континент. Консулы России в Амстердаме в конце века писали в Петербург, что через Роттердам и Амстердам ежегодно уезжают по 25 тысяч российских подданных, «добрая часть их — люди трудолюбивые, трезвые, бережливые».

В послеоктябрьский период так называемая «белая эмиграция» составила около 2 млн. человек. В сталинские времена эмиграция практически прекратилась. Даже же-

нитьба не для выездов. В последние годы родственный метод переезда отпал. В 1988 году удваивалось количество выездов ок-

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

...Отец мой погиб под Сталинградом, мать угнали в Германию. Ей было двадцать два года, а мне три с половиной... Но вот после войны выяснилось: моя мать не погибла, а жива. Гражданка Канады Наталья Войчик проживает в городе Калгари. С 1949 года правдами и неправдами она пыталась меня разыскать. Но встретились мы только спустя 39 лет.

С 1965 года я стал упорно добиваться разрешения на поездку в Канаду. К этому времени я окончил не только техникум, но и экстерном юридический факультет Ленинградского университета. Защитился отлично, прочил в аспирантуру, но как-то сразу (из-за моей биографии) об этом забыли. И пошел я со своими двумя дипломами... в землекопы. В коллегию адвокатов, куда я представил рекомендацию самого декана, меня не приняли, записав в протоколе: «из-за некоторых особенностей биографии». Случайно приняли в прокуратуру, но через некоторое время тоже «разобрались». С трудом устроился в юрисконсульты.

Получив ровно двадцать шесть лет назад первый отказ в поездке за рубеж, я в течение двадцати двух лет получил еще более двад-

цати таких же отказов. В 1972 году у матери умер муж, поляк, с которым она познакомилась в Освечиме. После пережитого она инлид, а тут осталась совсем одна. Был извещен телеграммой, за ренной врачами, и возобновил хлопоты. Обычно они начинались добыванием «рекомендательных характеристик». Начальник управления, где я тогда работал, сделал квадратные глаза (вот, значит, какой у него юрисконсульт сразу не отказал, но с консультами в штатском посоветовал. Поразмыслив, он откатил мне только в характеристике, но в работе.

В 1976 году я устроился юрисконсультантом на Звенигородскую фабрику культтоваров. Мать своей Канаде выплакала все слезы, и я опять пошел к директору с характеристикой. Директор вроде мужик ничего, но эти вопросы передал своему заместителю Макарову. Тот написал такую характеристику, что и ворота не выйдешь, надо с приставить к стенке, как врага народа.

В 1987 году я не выдержал и с правами на Кузнецкий мост в правительственную комиссию госбезопасности. Тон ли мой сыграл роль —

НОСТАЛЬГИЯ

В Киев вернулся писатель Микола РУДЕНКО.
Его дорога домой заняла четырнадцать лет и легла через полсвета...

Снимок недавний, прошлой осени. Квартиры в Киеве у него еще не было, жил в Ирпене, в загородном писательском Доме творчества. Как-то зашел в соседнее фотоателье. Жена в Нью-Йорке, увидев в почтовом конверте снимок, вздохнула облегченно: жив-здоров. Он и в самом деле чувствовал себя спокойно, уверенно. Прошлое не мешало, будущее не давило. словно разжались цепкие пальцы судьбы.

На первом же авторском вечере произошло невероятное. Руденко готовился к выступлению, волновался: что сказать, как себя людям объяснить, ведь столько лет прошло, кто помнит писателя Руденко. Он вышел на сцену и не мог начать говорить. Зал — все четыре тысячи человек — встал и все аплодировал, аплодировал. Он ослеп на мгновение, почувствовал, что задыхается. Столько лет думал — навек закален плохим, а вышло — беззащитен перед хорошим, человеческим.

Стого дня у него резко ухудшилось зрение. ОН ЖИВЕТ сейчас в старом писательском доме, в квартире, где вещи помнят другие времена: все не новое, простое, как в шестидесятых, — собирал по коммиссионным, а сейчас и там мало что есть. Книг у него уже довольно много, есть в их числе и собственные. В ожидании жены из Нью-Йорка (Раиса Панасьева, вторая жена Руденко, тоже бывший политзек, прошла, как и муж, и лагеря, и ссылку) он много работает, пишет стихи и политологические статьи. Последнюю — «Путь к хаосу» — печатает сейчас журнал «Украина». Свои строчки в местной печати и по-украински Руденко — среди зримых примет перемен в судьбе. Часто бывают гости, и сам он ходит в гости. И беспрерывно звонит телефон. Звонки официальные и дружеские, но различать их трудно: его друзья по правозащитному движению стали парламентариями республики или лидерами украинской демократической партии, второй сейчас на Украине после КПСС — 8 тысяч человек.

Но сам он ни в эту, ни в любую другую партию вступать не спешит. Почему? Он сказал, что политики имеют свойство подгонять события, а среди них есть и такие, какие в искусственном ускорении не нуждаются. Украина ищет пути возвращения к самой себе, а избавиться от заблуждений и наслоений на этом пути каждый человек должен сам.

Микола Руденко не находит ничего дурного в слове «национализм». Считает, что национальное чувство, как никакое другое, способно выпрямлять людей, возвращать нациям достоинство, соединять разомкнутый круг времени.

Из интервью: «Но не есть ли национализм признак национальной ограниченности?» — «Вам, русским, трудно представить себе всю степень ущербности украинцев». — «Разве русские не так же ущербны?» — «У вас чувство государственности в генах». — «В России люто проявления национализма ассоциируются с "Памятью"». — «Память» — это шовинизм». — «Вы не боитесь, что за украинской мыслью последует еврейский позор?» — «На Украине нет для этого ни малейших оснований...»

Он видит будущее наших народов рядом. Но... «Украинцы и русские должны, конечно же, жить как братья, а братья хозяйничают на своих подворьях сами, старший брат не учит младшего, иначе они становятся чужими».

Прав ли пан Микола Руденко (в Киеве все теперь обращаются друг к другу «пан» или «панна») в своем мнении о защитном национализме? Меньше всего хотелось бы не соглашаться с ним, спорить, переубеждать. Нетерпимость к иному мнению, как ничто, делает жизнь в отечестве тоскливой. Избави. Господи, повторять пройденный путь.

РАЗУМЕЕТСЯ, мы говорили с ним об эмиграции, он рассказывал о трудностях адаптации, о критичном отношении старших американцев к вновь прибывшим из СССР. Грядущий свободный выезд из страны Руденко сравнивает с отменой крепостного права. Равным ему по значению он назвал лишь свободный выезд назад. «Но ведь вы один пока сюда вернулись совсем», — сказала я ему на это, а он ответил, что у тех, кого лишали гражданства, не оставалось ни права, ни желания вернуться, они прочно складывали иную жизнь. Психологическое состояние людей, которым всегда открыта дорога домой, будет совершенно не похожим.

Он не верит, что отечество опустеет. Во-первых, Запад не в состоянии принять миллионы, а во-вторых, миллионы не смогут принять Запад. Но свой выбор человек делает сам.

Хорошо, что он вернулся.

Наталья КРАМИНОВА.

Киев — Москва.

Других снимков у него нет, как и вообще нет архива. В Киев приехал с небольшим чемоданом — частная, недельная поездка на фестиваль искусств. В эти же дни президентский указ возвратил части эмигрантов гражданство. В перечне имен он значился последним, двадцать первым — его и выживали отсюда в числе последних, — шел 1987 год. И он стал первым, кто вернулся домой насосем.

«КАЖДЫЙ писатель, выбиравший инакомыслие, должен был пройти по четырем ступеням», — рассказывал Руденко. Первой была «не популяризовать» — до 1971 года. После второй — «не печатать» — ушел в ночные сторожа. «Исключить из Союза писателей» и «арестовать» следовали у него одна за другой. «Каждый из нас знал, что обречен, что скоро уйдет в тюрьму, и поэтому старались успеть как можно больше». В 1976 году Микола Руденко возглавлял украинскую Хельсинкскую группу (в Москве аналогичной руководил профессор Юрий Орлов), был знаком с Сахаровым («Андрей Дмитриевич принял, поверил»), участвовал в советской группе «Международной амнистии». Когда посадили, об одном жалел: слишком много арестов, страдает дело. Окончательно всех их взяли в 1984 году.

...Он еще жил по чужим углам, но здесь республиканские журналы оспаривали право печатать его стихи и статьи, вручали литературную премию — мелькнуло телеинтервью, шли авторские вечера, а все не верилось, что между Нью-Йорком и Киевом он окончательно выбрал Киев. Что-то важное, какая-то несущая конструкция сломалась, похоже, в нашей жизни, если в самом, казалось бы, нормальном из поступков ищешь тайный смысл и думаешь: зачем бы к нам надолго? Зачем бы к нам надолго, если и голодно здесь, и холодно, и цены растут, и разлад, а то и стрельба, чуден, конечно, Днепр при тихой погоде — только вот шестой год пошел, как в нем плавать нельзя...

Из интервью: «Как вас приняли в Америке?» — «Прекрасно, была квартира, работа, машина, деньги». — «Вы сохранили американское гражданство?» — «Я не собираюсь возвращаться в Америку». — «Есть ли там прежний интерес к бывшим нашим диссидентам?» — «Он заметно меньше, но есть». — «Вам не хватало украинского языка, украинского окружения?» — «Я жил в украинской диаспоре». — «Что вы думаете о ностальгии?» — «Самое тяжелое, когда это чувство владеет людьми на родине».

Он считает: неприкаянность, что заставляла людей в нашем отечестве метаться по стране и миру, сходить с ума, спиваться, раньше срока умирать, была вселенской нашей тоской по родине — ностальгией.

СИМПТОМЫ этого загадочного, непонятного чувства Руденко обнаружил у себя в середине пятидесятых. Тогда он, фронтовик и орденносец — воевал в окопах под Ленинградом, — стал уже известным поэтом и прозаиком, редактировал журнал «Днепр», был секретарем парторганизации Союза писателей Украины. XX съезд обнаружил у него

сдвиги душевной коры так же, как и у миллионов других людей. Но забвения и покоя в отличие от очень многих других он найти не мог и не искал, потому что решил до конца выяснить для себя вопрос: «Кто виноват — Сталин или система?». Изучал философию, экономику (слова «политэкономия» не признает, не считает таковую за науку). Получив ответ в 1963-м, бросился в ЦК КП Украины, а потом в другие всевозможные партийные и советские инстанции: под обществом мина замедленного действия! Его слушали снисходительно — поэт! — да и время стояло еще относительно сытое. А он перестал спать ночами — видел всех нас в поезде, летящем с откоса.

Жене подсказали: болен. В кабинетах психиатров повторялся один и тот же диалог: «Вам кажется, что у вас есть идея?» — «Да». — «И если мир о ней не узнает, он погибнет?» — «Иногда кажется». — «Ну, ничего-ничего, мы вас вылечим». А он думал: если есть идея — значит, человек болен?

Квартиру, машину, дачу он оставил жене. **Из интервью:** «Страшен процесс расхождения с тем, что составляет обычную жизнь?» — «Ох, страшен. Но если седела выбор — иди и делай. Или умри». — «Вы подаете руку тем, кто обличал, предавал?» — «Предательство бывает невольным, от бездумья, страха, значит, надо прощать». — «Каким было первое ощущение родины?» — «Это иррационально. Ро-ди-на».

Сейчас Микола Руденко единственный, быть может, человек в стране, воспринимающий развал спокойно, облегченно даже. Тридцать лет знал: молния ударила — за громом дело не станет.

В 1977 году он увидит один из своих романов в тюрюмной библиотеке и удивится ему с тем чувством, будто между ним и книгой легли века. К тому времени из всей гаммы сенсорной связи с прошлым останется у него одна пронзительная нота — боль давней, разрывной пулей, раны. В 1942-м врачи говорили замполиту батальона Руденко не встанешь, не будешь ходить. Но он встал, еще долго воевал, дошел до Пруссии. (В 1978 году в лагере для политзаключенных под городом Пермью срочно собранная медицинская комиссия объявит инвалида войны Руденко «здоровым», и до освобождения в 1984 году он будет возить тачки то с землей, то с железным ломом, каждое утро себе не веря, что еще жив. Это случится после того, как весь лагерь откажется работать, добываясь врач-специалиста для тяжело заболевшего политзэка Виктора Некипелова, русского литератора). Постепенно физическая боль слилась у него с душевной и окрасила собой всякую мысль о родине.

Она была ему хуже мачехи, родина. Хоронила живо, заставляла любящих его изменять и предавать. Выживала из своих пределов — так, что едва выжил. Казалось бы, после такой-то ломки ненавидеть бы ее, бросить, как бросают злую, невменяемую женщину. А он не смог, так и не сумел научиться ненависти. Лишь жалел...

Из интервью: «Как вы отнеслись к исклю-

Эксклюзивные представители по сбору рекламы для «МН» в ФРГ: Грунер-Яр. Гамбург. Zentrale. Telefon (040) 37-03-0. Telefax (040) 37 03-6000. Telex 219520

СССР, 103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2. Телефоны: 229-81-86 (справочный), 209-17-49 (отдел писем), 209-05-60 (сектор рекламы).

© «Московские новости»
Перепечатка допускается по согласию с редакцией,
ссылка на «МН» обязательна.

Общий тираж газеты 2018257.

Подписано в печать 21 мая 1991 года. Заказ № 1769.

ИНДЕКС 50080